

САЙМОН ВАН БОЙ

САЙМОН ВАН БОЙ

ИЛЛЮЗИЯ РАЗОБЩЕННОСТИ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
B17

Simon Van Booy
THE ILLUSION OF SEPARATENESS

© Simon Van Booy, 2013
This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Екатерины Ракитиной*
Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Ван Бой, Саймон.

B17 Иллюзия разобщенности / Саймон Ван Бой;
[пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Эксмо,
2018. — 224 с.

ISBN 978-5-04-097616-4

Случайная встреча во Франции молодого немецкого дезертира, единственного выжившего в подразделении, и сбитого американского летчика свела воедино несколько судеб (и даже поколений).

Наши жизни подчас переплетены самым невероятным образом. Все мы связаны между собой призрачными нитями, но не каждому выпадает шанс это прочувствовать.

Как же очнуться от всеобщей иллюзии разобщенности? Кто сможет нам в этом помочь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-097616-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Люку и Кристине

Мы здесь для того,
чтобы очнуться от иллюзии
нашей разобщенности.

Тхить Няп Хань

Мартен

Лос-Анджелес,
2010

I

Стоило о нем подумать, и становилось легче. Они верили, что он все может, что он их защищает.

Он молча выслушивал их беды.

Делал свою работу, пока они спали. В это время он мог поразмыслить о жизни и обычно напоминал ребенка, застывшего на берегу и замороженного морем. Он всегда поднимался с рассветом, набирал ведро горячей воды и шуршал шваброй по коридорам, оставляя терпкий аромат хвойного моющего средства. Там, где он брался за ручку ведра, у него остались мозоли. Ведро синее, его тяжело поднимать, если полное. Вода быстро делалась грязной, но его это не раздражало. Закончив, он прислонял швабру к стене и шел в сад.

Иногда ездил на пирс в Санта-Монике. Всегда в одиночестве.

Когда-то давно он сделал там женщине предложение.

Стоял туман, потому что было раннее утро, и жизнь вокруг них складывалась как мозаика. Они слышали, как бьются о пирс волны, но ничего не видели.

В те дни Мартен был пекарем в Café Parisienne. Носил усы и вставал очень рано. Она была актрисой. Как-то утром зашла выпить кофе, да так и не смогла уйти насовсем.

Ей бы понравилось в пансионе «Старлайт». Многие его обитатели работали раньше в кино, а теперь выходят к завтраку в халатах с собственными инициалами на кармане. Они его зовут мсье Мартен, из-за французского акцента. После обеда они рассаживаются вокруг рояля и пускаются в воспоминания. Знакомые у них были общие, а истории у всех разные. Частота, с которой кого-то навещают, служит мериллом статуса.

Мартена самого часто принимают за постояльца.

Было бы легче, если бы все точно знали, сколько ему лет, но обстоятельства его рождения окутаны тайной.

Он вырос в Париже. У его родителей была пекарня, жили они над ней, занимали три комнаты.

Когда Мартен дорос до школы, родители усадили его за кухонный стол со стаканом молока и рассказали, как им отдали младенца.

— Это было летом, — сказала мать. — Шла война. Я даже не помню, как тот человек выглядел, но у меня

на руках вдруг оказался ребенок. Все случилось так быстро.

Мартену понравилась история, он захотел узнать больше.

— Она принесла ребенка ко мне в пекарню, чтобы покормить, — сказал отец.

— Так все и было, — добавила мать. — Так мы познакомились.

Стоя у темного окна, отец признался отражению сына, что они несколько лет ждали, прежде чем предпринять какие-то официальные шаги.

От слез матери на скатерти оставались кружочки. Мартен посмотрел на ее руки. Ногти у нее были гладкие, с выступающими лунками. Она погладила его по щеке, и он покраснел. Представил себе грубые руки незнакомца и ощутил у себя на руках вес младенца.

Когда он спросил, что дальше было с ребенком, им пришлось говорить прямо. Мартен смотрел в молоко, пока не расплакался. Мать встала из-за стола и вернулась с бутылкой шоколадного сиропа. Налила немножко в его стакан и размешала длинной ложкой.

— Наша любовь к тебе, — сказала она, — всегда будет сильнее любой правды.

Несколько дней ему было позволено спать в их постели, но потом он заскучал по своим игрушкам и по привычным занятиям, которые делали его самим собой.

Вскоре родилась его сестра, Иветт.

Когда Иветт исполнилось шесть, а Мартен был подростком, родители закрыли пекарню, и они переехали из Парижа в Калифорнию.

Мартен так и не понял, почему они так долго не подавали бумаги на усыновление. Позже, когда он поступил в небольшой колледж в Чикаго и курил, лежа в постели с подружкой, завеса была сброшена.

Шел снег. Они заказали китайской еды. По телевизору должен был начаться хороший фильм. Когда Мартен потянулся за пепельницей, простыня соскользнула с его тела. У него были такие мускулистые ноги. Девушка прижалась к ним щекой. Он рассказывал ей о школе в Западном Голливуде, о самом начале своего пути. Она слушала, а потом созналась, что удивлена, почему Мартен, в отличие от других мужчин из Европы, обрезан.

Он перестал посещать занятия.

Читал, пока все не расплывалось у него перед глазами.

Он стоял снаружи, когда открывалась библиотека, работал до закрытия. Когда директор узнала, чем он занимается, отвела ему место в служебном помещении. Он запрашивал книги, названия которых никто не мог произнести. Каждая фотография была зеркалом.

Семестр подошел к концу, и он поехал домой в Лос-Анджелес.

Родители понимали, что он в конце концов обо всем узнает, но не смогли рассказать ему ничего нового. Его детская одежда была слишком испачкана, чтобы ее хранить.

Мартен ходил с сестрой на пляж, смотрел, как она плавает. Сидел на лестнице и слушал, как его семья смотрит телевизор. Рассекал на машине по трассе среди ночи. Работал в семейном кафе. Они торговали круассанами и фруктовыми пирогами в коробках, перевязанных сине-белой бечевкой.

Однажды днем, развезя доставку, Мартен вернулся и обнаружил, что дверь в магазин заперта, а шторы опущены. Войдя через черный ход, он с удивлением увидел, что в кухне темно. Когда он подошел к прилавку, зажегся свет, и люди, заполнявшие комнату, закричали: «Сюрприз!»

Все нарядились, к стульям были привязаны воздушные шарик. Мартена целовали в щеки и в лоб. Собрались многие покупатели, которых он знал годами, на некоторых мужчинах были кепки. Заиграла музыка, все захлопали.

Мартен растерялся.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Что-то случилось?